

Раньше, услышав от Чжан Вуйин такие унижительные слова, она расстраивалась и плакала. Но теперь она видела в этом лишь попытку подчинить её себе, контролировать, заставляя чувствовать себя плохо. Узнав правду, Чжан Уин, казалось бы, безосновательная ненависть Чжан Вуйин обрела смысл. Танг Моюй опустила глаза, но не потому, что Чжан Уин была права, а потому, что изо всех сил старалась не дать ей увидеть бурю в своих глазах. Всю свою жизнь императрица задавалась вопросом, почему её никто не любит, почему никто не заботится о ней, когда у каждого ребёнка, которого она когда-либо встречала, отношения с родителями были лучше. — Разве ты не собираешься что-то сказать? — бросила ей вызов Чжан Вуйин, желая увидеть разочарование на лице Танг Моюй. Императрица подняла взгляд и посмотрела на свою «мать» так, словно та в данный момент несла ничего, кроме чепухи. — Мама, я не знала, что ты любишь делать поспешные выводы. Если бы для этого существовала олимпийская игра, я уверена, ты бы уже получила золотую медаль. — Она ответила, заставив пожилую женщину потерять дар речи от своих резких слов. Танг Моюй впервые откровенно заговорила со своей матерью, так как всегда старалась избегать споров с ней. Независимо от того, насколько обидными были слова Чжан Вуйин, она не стала ломаться и плакать перед ней, не показала слабости. — Негодный ребёнок! — закричала Чжан Вуйин. Вены на её виске грозили лопнуть от внезапного гнева. Её глаза пылали, когда она смотрела на холодную императрицу. Только взглянув на неё, Чжан Вуйин почувствовала, что Янь Цюйюй смотрит на неё свысока. — Мама, ты последний человек, который может так говорить. Ты когда-нибудь пыталась остановиться и подумать, была ли ты хорошей матерью для нас троих? — Танг Моюй возразила, её лицо было лишено каких-либо эмоций. Она смотрела на свою «мать» так, словно Чжан Вуйин была её ничтожным подданным. Теперь, когда она поняла, что произошло в прошлом, и почему эта женщина воспитывала её железной рукой, Танг Моюй подумала, что была глупой, ожидая эмоциональной привязанности или какой-либо формы любви от этой ужасной женщины, стоящей перед ней. Двадцать девять лет — нет, на самом деле, двадцать семь лет её жизни прошли с Тангами, и Чжан Вуйин воспитывала её. Танг Моюй много работала, изо всех сил старалась добиться расположения Чжан Вуйин, не зная, что смотрит не на того человека. Часть её задавалась вопросом, что за женщина была Янь Цюйюй и любила ли она её до того, как умерла вместе с братом. Была ли она рождена по любви между родителями? До Чжан Уин доходили слухи о разводе старшей дочери с Хань Шаохуем и о том, как её зять отправился к Танг Моюй, но был избит до полусмерти тем, кто защищал эту женщину. Но чтобы Танг Моюй подтвердил развод? Это... Чжан Уин чувствовала, что потеряла ценную пешку в своей игре. После ухода Танг Ваньюй, семья Танг будет винить только её в потере своих инвестиций в корпорацию Хань. В дальнейшем ей точно придется столкнуться с их гневом. Как получилось, что после возвращения Танг Моюй проблемы возникали одна за другой? — недоумевал Чжан Вуйин. Когда императрицы не было, все казалось спокойным, но с тех пор, как она вернулась, она в одиночку выгнала всех из компании, получив полный контроль над управлением за три коротких месяца. Теперь она вызвала раскол между семьями Танг и Хань, забрав Танг Ваньюй и избив Хань Шаохуэй. Как же она могла поверить, что павшая императрица не имеет отношения к её недавним проблемам? Чушь какая-то. «Прямо как её мать...» — подумала Чжан Вуйин. — Мама, я сейчас очень занята. Если тебе больше нечего сказать, моя дверь открыта для тебя. Ты уже знаешь выход, так что прости меня за то, что не отправила тебя. — Танг Моюй сказала, прежде чем переключить своё внимание на отчёты, которые нуждались в её рассмотрении и одобрении. Она посмотрела на лицо Чжан Вуйин, которое все ещё тлело под её каменным выражением. Её гнев казался Танг Моюй бессмысленным, ей было все равно, что думает о ней в данный момент пожилая женщина или кто-то другой из семьи Танг. Чжан Вуйин в ярости выскочила из кабинета, а Танг Моюй вздохнула с облегчением. Гнев в её глазах отражал юную девушку, которую все лишили любви, ту самую девушку, которую бросил собственный отец, и которая голодала от любви, которой так жаждала. Теперь, когда ей стало ясно, что она напрасно потратила все свои усилия, неужели они ожидали, что она будет молчать? Продолжай тыкать эту тигрицу, и они лишатся

одной-двух конечностей. Такова природа. Танг Моюй подождала немного и убедилась, что её «мать» покинула компанию, после чего вышла из офиса, чтобы найти своего помощника. Чэн Нин не заслуживала такого обращения, и императрица чувствовала вину за то, что её помощнице пришлось страдать из-за неё. Она должна была вмешаться быстрее и остановить мать от нападения на Чэн Нин. Танг Моюй нашла её в кладовой, перед ней лежала открытая коробка с лекарствами первой помощи. Глаза Чэн Нин блестели от слез, когда она смотрела на свою начальницу. — Мисс Мойю. — Она попыталась встать со своего места, но императрица остановила её, поставила рядом другой стул и начала лечить ожог Чэн Нин.

<http://tl.rulate.ru/book/49243/2722016>